

Дивертисмент открытий чудных

ЮБИЛЕЙ

Отношение женщины к своему возрасту вполне можно считать мерилом глубины её личности. «Насколько полнее и интереснее становится жизнь в 45 – 50 лет! Это просто дивертисмент открытий! С возрастом острее чувствуешь, какая же это роскошь – жизнь!» – делится своими размышлениями о возрасте в преддверии своего юбилейного дня рождения Елена Андреевна Анкудинова, директор Ярославского музея-заповедника.

Родилась она очень далеко от Ярославля, в городе Советская Гавань. Отец – из Сибири. Мать – из Кохмы, что под Ивановом. Выбрав профессию педагога и поступив в Ивановский пединститут, нашла она не только специальность, но и жениха – молодого лейтенанта. В Советскую Гавань они отправились по распределению, там и появилась на свет Елена.

Хрущёвская реформа армии оставила отца без службы – его отправили в запас. Семья отправилась в Новокузнецк, затем во Владивосток и лишь потом обосновалась в Ярославле. Первые впечатления от Ярославля не обрадовали – вместо большого красивого города попали в старый и, как показалось сначала, какой-то «обшарпанный». Впечатление стало меняться, когда Елена побывала в музее, Волковском театре. Мама была театралкой, и вместе они пересмотрели все спектакли. После Владивостокского театра Волковский им показался совсем другим – на голову выше. Но ещё больше, чем театр, Елене понравился краеведческий музей. И уже в 9 классе появилась уверенность, что она будет работать только в музее.

С первого раза поступить в университет («твёрдой» хорошистке с чётким желанием работать в музее не удалось. Но она упрямо следовала к своей цели и пошла в смотрители, в отдел древнерусского искусства, где прошла настоящую школу жизни. Тогда посетителей было не так много, как теперь, и у служащих всегда находилась минутка-другая для общения.

По соседству с ней оказались очень интересные пожилые смотрительницы: Мария Николаевна – дама из «бывших», окончившая институт благородных девиц, и Софья Израилевна – в прошлом балерина. Они научили тому, чему в школах внимания не уделяют: правильно ходить, одеваться, говорить, танцевать и даже петь романсы. Работали в соседних залах музея и домохо-

зяйки, из рассказов которых она усвоила, как нужно «вести» дом – мыть, готовить, вязать.

Кроме школы жизни Елена получила за этот год и первые профессиональные навыки – все экскурсии, которые водили по экспозиции древнерусского искусства, она знала наизусть. В музее появились у неё и первые ухажёры – из посетителей. Один турист из Харькова долго писал письма, подписываясь «Рыцарь без страха и упрека». Год не прошёл – пролетел, ещё больше утвердив её в мысли – будущее связано только с музеем. Вторая попытка была удачной – Елена начала учиться на историческом факультете госуниверситета. Но судьба не спешила исполнять её мечту.

За мужем, который после окончания политехнического института получил направление на строящийся завод, Елена отправилась в Тутаев. Родился сын, и, чтобы получить место в яслях, она устроилась работать библиотекарем на Тульму. А когда Елене предложили стать на заводе освобождённым секретарём комсомольской организации – согласилась, это был шанс быстрее получить жильё. Желание работать в музее никуда не уходило. Поэтому, когда ей позвонила Наталья Николаевна Тупицына с предложением работы в должности младшего научного сотрудника с зарплатой в 80 рублей – даже не сомневалась, согласилась.

– Попасть к Тупицыной – это был выигрышный билет экстра-класса. Но надо было снаться с комсомольского, профсоюзного, партийного учёта. Тогда меня запросто могли бы просто не отпустить, – вспоминает перипетии судьбы Елена Андреевна. – Просила, объясняла, что музей – мечта с детства, что другой такой возможности может и не быть. Отпустили. Получив последние документы, побежала на дорогу, и на попутном КАМаЗе уехала в Ярославль.

В Ильин день – 2 августа –

Фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

она пришла в музей. Теперь уже не смотрителем, а сотрудником в самый интересный отдел – архитектурный. Первые года полтора головы от книг не поднимала – так увлекло всё, что было связано с памятниками архитектуры. Каждый вторник – без машины, с ключами обходила все музейные памятники. Надо было открыть, проверить, проветрить храмы, которые были в ведении музея.

– В 1978 – 1979 годах зима была очень холодная – до 50 градусов. Но даже это не было помехой. Ни на один день не изменяла маршрут. Очень любил показывать храмы гостям города Фёдор Иванович Лощенков, особенно часто приводил разных товарищей в церковь Ильи Пророка. Тогда я и по восемь экскурсий водила: одну отдаёшь – другую берёшь. Поэтому теперь мне не очень понятно, когда сотрудники проведут одну экскурсию и говорят, что устали.

Коллеги знают, что по работоспособности, по эффективности работы Елене Андреевне мало равных. Анкудинова берётся за то, что у многих вы-

зывает сомнения: без денег этого не сделаешь, а найти в музее деньги – даже не смешно. Восстановление колоколов на звоннице, восстановление малой колокольни Святых ворот, Ильинской колокольни – наш музей занялся этим одним из первых среди российских музеев.

– 19 августа – путч. Мы сидим на Ильинской колокольне – торопимся восстановить звонны к празднованию 1000-летия епархии. Внизу бегают Антон Захваткин, коллекционер, друг музея, и сообщает нам, что делается у «Белого дома» в Москве. А мы упорно продолжаем работать. Надо сказать, что тогда мы очень много делали для того, чтобы в храмах началась богослужения. С открытым сердцем пошли на помощь Церкви. Ездили в Толгу на субботники, помогали восстанавливать обитель, как могли. Тогда епархией возглавлял владыка Платон, и у нас получалось договариваться, находить решение многих вопросов.

В церкви Николы Надеина находились две раки, в одной из которых – мощи Фёдора

Чёрного и его сыновей, музейщики знали, что об этом нельзя говорить, но хранили – потому что нельзя не хранить.

– Веры сначала не было, но мы с большим уважением относились к доставшемуся нам наследию. Много, чтобы сохранить, скрывали, не внося в инвентарные книги. Информация о том, что и где находится, передавалась из уст в уста. А когда людей в очередной раз напугали, они замолчали. Нить устной молвы прервалась. Поэтому мы не знали, где укрыта частица Ризы Господней, не знали, что у нас в храме Николы Надеина хранятся мощи Игнатия Иркутского. Всё это открывалось потом заново. На сердце легче стало, когда мы передали Церкви её святыни, – вспоминает Елена Андреевна.

Если называть самые важные музейные дела, в которых её участие было решающим, то можно вспомнить, что именно она собрала в Ярославле потомков рода Оловянишникова. Отдельный этап жизни Елены Анкудиновой – исследование нашего древнейшего памятника архитектуры и живописи Спасо-Преображенского собора. Они завершили выпуск книги в соавторстве с А. Г. Мельником, по сей день остающейся единственной об этом уникальном храме.

Из её несомненных профессиональных удач можно назвать ежегодное проведение фестиваля «Преображение», который давно вырос за рамки музейного события, став одним из настоящих, больших и любимых городских праздников. Сколько сил, организаторских способностей, нервной энергии, умения общаться с самыми разными людьми стоит за каждым «Преображением»! Иногда и помощи ждать неоткуда, даже коллеги советуют: хватит, не потянуть музею этот праздник, но она каждый год затевает что-то новое, привлекая в Ярославль к Яблочному Спасу лучшие творческие коллективы России. И каждый раз получается.

Этому можно удивляться, можно говорить, что директор должен и мыслить, и работать масштабно. Должен, но только он сам знает, насколько это тяжело. Победы на «Интермузее», участие музея в международном фестивале, выставочная и издательская работа, постоянный поиск новых возможностей – это далеко не всё, на что хватает её неуёмной энергии.

Марина ШИМАНСКАЯ.